

«Русская мысль»

АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сергей Параджанов дал мне это интервью в 1988 году.

9 ноября 1988 года мы встретились в парижской гостинице, где остановилась делегация кинематографистов, приехавшая на фестиваль грузинских фильмов, в рамках которого состоялся и фестиваль фильмов Параджанова. Это был его первый приезд в Париж.

Беседовать с гениальным кинорежиссером нелегко: у многих людей судьба, трагедия, парадоксы и противоречия соответствующего масштаба...

Параджанов о своей судьбе

Я только добротой выжил. Добротой и своеобразной жесткостью пережил три рецидивные зоны. Мне каждые шесть месяцев меняли зоны. Я слышал исповеди. Я имею в фондах удивительный сценарий. Каждая исповедь заключенного, уголовника, рецидивиста была гениальным сценарием. И сегодня Юрий Ильенко, украинский режиссер, понял это и снимает по моему сценарию фильм «Лебединое озеро. Зона». Это — три новеллы, рассказанные мне уголовниками. Это должно прийти к людям. Люди должны это понять... Меня обычно спрашивают: «Вы обижены на Советский Союз за то, что сидели в тюрьме?» Я отвечаю: «Да, советская власть обошлась со мной жестоко и бесцеремонно». Главное обвинение в мой адрес было: «украинский националист». Меня обвинили в украинском национализме! Но потом выяснилось, что я — армянин. Есть такой отвратительный киновед Аннинский, который написал: «Тени забытых предков» — одно из самых поразительных и труднообъяснимых явлений советского кино. Его снял на Киевской киностудии армянин Параджанов по мотивам украинского автора Михаила Коцюбинского». Эти слова меня и погубили. Вдруг пораженное правительство, то есть этот — как его? Щепицкий? Щербицкий? — сказал: «Так, значит, Параджанов и не украинец, и не русский? Убрать его с Киевской киностудии!» Меня жестоко оскорбили и убили.

В чем обвиняли Параджанова

В зоне я был на спецучете. В моем деле, как в деле самого крупного преступника, были 18 пунктов обвинения: расположен к антисоветской пропаганде, расположен (при моей-то тучности!) к бегству, расположен к гомосексуальным связям и т.д.

— Сергей Иосифович, все пункты этого обвинения были ложные?

— Нет. Я действительно был расположен к антисоветской пропаганде, потому что в жестокое время деспотизма пережил трех деспотов. Трижды сидел в тюрьме. Три раза у меня снимали шнурки с туфель, снимали пояс с брюк, и я в зубах держал штаны и шел в камеру, зная, что меня ведут туда навсегда. Вы понимаете, какая трагедия произошла? Думаете, это все вот так просто можно простить?..

Чем больше говорили, что я талантливый, тем больше меня зажимали. При втором аресте меня опедерастили. Написали, что я изнасиловал 340 (!) членов КПСС. Вы представляете? О чем думал майор МВД Макашев, создавая это грязное дело?! Он ведь оскорблял партию! Он глубоко оскорбил партию Ленина! (смеется). Выдумали валютные операции, похищение украинских икон, украинский национализм. Из 18 статей, по которым меня обвиняли, все отпали, кроме гомосексуальности. И в этом обвиняли меня, человека, у которого есть жена, сын, фаворитки... Майор КГБ, который этим всем занимался, еще жив, живет в Москве, его дочь — знаменитая пианистка...

Мне надо было быть умнее. Мне надо было делать все, чтобы не потерять 15 лет жизни. Я мог прикинуться и выжить. Мог прийти к бессмертию другими, окольными путями...

— Вы жалеете сегодня, что в свое время не приспособились к этой власти?

— Если бы я приспособился к ней, я бы не завшивелил три раза в тюрьме.

Параджанов о перестройке

«Перестройка» — у меня лично это слово вызывает аллергию в нижней части моего тела.

ГЛЯДЯ ИЗ ПАРИЖА

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА:

Интервью Сергея Параджанова

— Однако, Сергей Иосифович, все свои выступления вы всегда и везде начинаете и заканчиваете словами «Да здравствует перестройка!» и называете себя ее символом, эмблемой. В вашей жизни произошли большие перемены. Тюрьмы и лагеря позади. Вы снимаете фильмы...

— Мне Армения построила трехэтажный дворец, где будут выставлены мои 800 работ, сделанных в тюрьме и на свободе: куклы, шляпы, букеты, вышивки, ковры, коллажи. Мне Грузия дала квартиру, машину, дачу. Мне даже паек какой-то выдают теперь. Но я — провокатор и не стал «послом перестройки». Я стал цирковым актером. Полугаю перестройки. Выступаю перед разными аудиториями, говорю одно и то же. Маленький, толстый, квадратный человек, который вызывает сочувствие... Вот я думаю, правильно ли я сделал, что согласился ездить с манежа на манеж, как Олег Попов, и отвечать на одни и те же вопросы: «Как вы относитесь к перестройке? Как вы относитесь к Михаилу Горбачеву?»

— Я вас об этом не спрашивала.

— А я все равно отвечаю. Михаил Сергеевич — талантливый человек, артистичный, добрый, владеющий русским языком. Но он не только талантлив, он еще и трагичен. Сегодня он должен был бы набрать себе в народе войско, которого оградило бы его от коррозии. Трагедия его в том, что за 70 лет мы обрели удивительный стандарт испуга, трусливости, коррозии. Горбачев — «луч света в темном царстве». Но темное царство существует. Оно воспитано системой, жесткостью нашей, изоляцией, китайской стеной, которую мы построили между собой и Европой... Я люблю Михаила Сергеевича за его страстное желание превратить нашу страну в современную, элегантную державу, в новое общество с новыми принципами...

Я очень ему благодарен. Я всю жизнь мечтал увидеть французских детей, раздать им советские значки и монеты. А вчера, например, я увидел, наконец, французскую кошку, которая переходила улицу напротив моей гостиницы. Потом она вдруг появилась на крыше напротив и смотрела на меня. Видно, играла по системе Станиславского: для меня, на меня... Я даже побывал уже в Америке. Когда я ехал туда, мне выдали суточные

Фатима Салказанова берет интервью у Сергея Параджанова.

— по 22 доллара. Моему оператору выдали по 23 доллара, на один доллар больше. Поэтому я подумал, что он — шпион. Потом выяснилось: ему дали на доллар больше потому, что он моложе меня, и ему был нужен аксессуар для любви за один доллар (смеется). Если бы не Майя Плисецкая, я бы умер в Америке с голоду. Она мне посоветовала купить перед отъездом сто пачек сыра «Волна» по 17 копеек. Он, говорит, не усыхает... Я был в Италии. Наш главк перед отъездом предупредил, что я должен привезти все справки о расходах. Я в Венеции попросил гондольера выдать мне справку. Он не понял. Я объяснил, что у меня есть начальник, Кончалов, который хочет отчет. Гондольер ударил себя ладонью по половому члену и сказал: «Вот ваш Кончалов». Я в письме рассказал Кончалову об этой сцене и написал ему: «Представляете, как вас оскорбил гондольер! Отомстите ему, потому что вы не заслужили того, чтобы кто-то бил себя ладонью по члену и говорил: «Вот ваш Кончалов»» (смеется).

Сейчас все говорят: «Что будет с Михаилом Сергеевичем, когда он больше не будет президентом?» А я мечтаю: он выбегает из Кремля, кричит: «Карету мне! Карету!», я хватаю его за руку, через площадь веду во МХАТ, и он сыг-

рает там Чацкого, а потом Гамлета. На роль Гамлета всегда выбирают актеров по длине ног. А у Горбачева как раз длинные, красивые ноги.

— А по возрасту он подходит для этой роли?

— Какое это имеет значение? Кстати, у Шекспира к Гамлету есть ремарка: «тучен и одышлив». Эльсинор — это Кремль. А Рая Горбачева будет играть не Офелию, а Корделию.

Горбачев нуждается в нежности. В христианской нежности.

— Сергей Иосифович, когда смотрите ваши фильмы, всегда поражает то, с каким уважением вы относитесь ко всем народам, как бережно обращаетесь с их культурой. Вы — армянин, снимающий свои фильмы то на украинской студии, то на грузинской. Герои ваших фильмов — то христиане, то мусульмане. И вы одинаково чутки к их культуре, обычаям...

— Великий Эйзенштейн, посетив Мексику, снял фильм, которым превзошел мексиканцев. Нация, история нации, страна — и большая и малая — вызывают у меня благоговение. У меня есть мечта — снять фильм о Жанне д'Арк, то есть скорее об Орлеанской Деве. Вы понимаете разницу? Может быть, я войду в Собор Парижской Богоматери и выйду оттуда с готовым фильмом, снятым на фоне скульптур, витражей, страстей, на фоне пола и потолка. В моем благоговении перед народами — моя христианская любовь. Что такое кинорежиссер? Он — проповедник. Мы проповедем читать через экран. Через фильм я выразил свою любовь к Украине, где у меня жена-украинка и где у меня родился сын. Я еще много не договорил в своих фильмах о красоте народной...

Параджанов о будущем фильме

Я сейчас, может быть, самый счастливый человек в мире. Я снимаю потрясающую вещь — фильм «Исповедь» по моему самому любимому сценарию. Это будет фильм не только о моей судьбе, но и о судьбе эпохи с 1938 по 1952 год. Это судьба надежды, моя память, возведенная в образ печали. О своем детстве я помню только одно: стучались в дом люди из КГБ, испуганная мама снимала серьги, и я глотал их. Мама, даже умирая, думала, что у меня в чреве осталась одна серьга, которую я не вы-

давил... А еще я помню, как у меня была корь, когда мне было семь лет. Корь называют еще краснухой. Был революционный праздник. В дом занесли красные флаги и повесили на окнах. Из-за этого свет был красный. Мама была в красном халате. Я кушал красные котлеты из бурака. Мне давали красную клубнику. Все было красное... Мама прочла мне «Ашик-Кериба». Прошло 57 лет. Я пронес эту книгу, как слезу, через всю жизнь... «Исповедь» — фильм о трех возрастах, трех эпизодах моего детства. Это — судьба кладбища, которое превращают в Парк культуры. Ко мне приходят предки, просятся ночевать в наследственный дом, а я их не узнаю и в дом не пускаю. И даже сообщаю в милицию, что в дом пришли чужие люди...

— А после «Исповеди»?

— Мне 64 года. Три ареста, конечно, сказались на здоровье. Я каждое утро просыпаюсь с удивлением, что еще жив. Поэтому я не могу говорить о следующих фильмах.

Последние полтора месяца своей жизни С.Параджанов провел в парижской клинике, где врачи безуспешно пытались вылечить его от болезни, которую принято называть «тяжелой и продолжительной». Он умер в июле 1990 г. в возрасте 66 лет. ТАСС сообщил тогда: «В те годы, когда по независящим от него причинам Сергей Параджанов не ставил фильмы, он создавал сценарии для других постановщиков, писал прозу, занимался живописью и дизайном». Шел уже 90-й год, а советские журналисты все еще не решились сказать правду о том, какие обстоятельства мешали великому кинорежиссеру снимать фильмы, где и по чьей вине он занимался тюремно-лагерным «дизайном». Кстати, если не ошибаюсь, имена тех, кто несет личную ответственность за преступления, совершенные против Параджанова, не названы до сих пор. Где они? Чем занимаются? И если не понесли юридическую ответственность, то, может быть, хотя бы испытывают чувство стыда? Аресты, допросы, тюрьмы, лагеря, конечно, подорвали здоровье С.Параджанова. А между арестами были фильмы, но их было мало. Советская власть обладала особым чутьем: она была способна с первого взгляда распознать художественную, эстетическую, литературную независимость, которая ей, возможно, не без основания нередко казалась опаснее политического инакомыслия. Или, как сказал однажды Д.Сеземан, «для советской власти Мандельштам опаснее Врангеля».

ФАТИМА САЛКАЗАНОВА

Париж